

Православное обозрение

1870. Первое полугодие

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П68

П68 Православное обозрение: 1870. Первое полугодие / – М.: Книга по Требованиям, 2021. – 974 с.

ISBN 978-5-458-03057-1

ISBN 978-5-458-03057-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованиям», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

характерностию въ своихъ приѣмахъ и тенденціяхъ, *Духовная Бесѣда* представляла какъ бы средину между старымъ и новымъ направлениемъ духовной литературы. *Православное Обозрѣніе* первое явилось наиболее твердымъ и полнымъ выразителемъ новаго направленія въ духовной литературѣ, и въ продолженіи десяти лѣтъ послѣдовательно выдерживало и развивало это новое направленіе. *Православное Обозрѣніе* не было сборникомъ статей, случайно печатающихся въ одной книгѣ, и отличающихся разнохарактерностью направленій, приѣмовъ и тенденцій. Оно болѣе всѣхъ другихъ нашихъ духовныхъ изданій могло пазваться журналомъ въ принятомъ смыслѣ этого слова. Оно имѣло свое опредѣленное направленіе, свою задачу, свой цвѣтъ, свое знамя. Въ этомъ прежде всего его значеніе, котораго не могутъ отрицать сочувствующіе и несочувствующіе ему.

Въ чемъ же состоитъ это новое направленіе въ духовной литературѣ, представителемъ котораго явилось *Православное Обозрѣніе*, и какія услуги оно принесло церкви и обществу?

Духовная журнальная литература, существовавшая у насъ до шестидесятихъ годовъ, и имѣвшая своими органами временныя изданія духовныхъ академій, отличалась тѣмъ характеромъ замкнутости и исключительности, какимъ отличались вообще наше духовенство и въ частности наши прежнія духовныя школы. Въ ней серьезно разрабатывались многіе вопросы духовной науки, но разрабатывались почти исключительно для своего спеціальнаго круга читателей. Она имѣла свой особенный характеръ воззрѣній, свои особенныя приемы изслѣдованія, свой особенный языкъ, отличающійся отъ языка современнаго образованнаго общества. Она не имѣла почти никакой связи съ такъ называемою свѣтскою наукою и литературою, т.-е. имѣвшею своихъ дѣятелей и читателей внѣ духовнаго круга въ свѣтскомъ обществѣ. Занимаясь раскрытіемъ предметовъ непосредственно относящихся къ области религіозной, она ничею не хотѣла знать объ отношеніи религіи къ жизни общественной и не обращала почти никакого вниманія на вопросы и потребности общества. Вслѣдствіе этого она и сама болѣе и болѣе теряла интересъ для общества. Раздѣленіе, все болѣе и болѣе утверждавшееся между духовною и свѣтскою литературою, отчужденіе духовной литературы отъ вопросовъ и потребностей современной жизни, и отчужденіе общества отъ духовной литературы сопровождалась суще-

ственнымъ вредомъ для той и другой стороны. Свѣтская наука и литература, не имѣя въ своей собственной средѣ представителей религіознаго интереса и не имѣя никакой связи съ тѣми литературными органами, которые посвящали себя на исключительное служеніе ему, или совсѣмъ не касалась религіозныхъ вопросовъ и не придавала имъ серьезнаго и живаго значенія, или касалась ихъ очень поверхностно и небрежно, иногда даже совершенно превратно, несогласно съ истиннымъ православнымъ пониманіемъ религіи; такимъ образомъ въ самомъ обществѣ болѣе и болѣе могли распространяться поверхностныя, одностороннія и превратныя представленія о религіи, о церкви, о православіи и т. д. Въ свою очередь духовная наука и литература, отчужденная отъ живаго движенія общественной мысли, не только теряла всякое вліяніе на общество, но и сама должна была становиться болѣе и болѣе одностороннею и узкою, терять живое и свободное движеніе въ своей собственной спеціальной области, закаливаясь въ определенныхъ однажды навсегда усвоенныхъ воззрѣніяхъ, приемахъ изслѣдованія, формахъ изложенія и т. д. Такимъ образомъ могла потеряться для духовной литературы самая возможность живаго развитія и въ будущемъ времени.

Новое направленіе духовной литературы прежде всего поставило свою задачу отрѣшиться отъ исключительнаго характера старой литературной школы. Въ программѣ *Православнаго Обозрѣнія* съ перваго года изданія его определенно было заявлено: «христіанская истина не составляетъ исключительнаго достоянія школы, и изученіе ея не есть исключительная обязанность одного духовенства; жизнь ея не ограничивается областію религіознаго сознанія и его непосредственныхъ выраженій, и проявляется во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности—въ наукѣ, искусствѣ, ходѣ и развитіи жизни общественной и пр.; поэтому *Православное Обозрѣніе*, оставаясь вѣрнымъ началамъ православной вѣры, поставляетъ свою задачу по возможности отрѣшиться отъ особенностей характера свойственнаго школѣ вообще, и духовной въ частности, какъ школѣ спеціальной, и стать ближе къ общему образованію общества, его языку и пониманію, его вопросамъ и потребностямъ. Оно постарается быть такимъ духовнымъ изданіемъ, о которомъ не могли бы сказать: «это для богослововъ, а не для людей свѣтскихъ, или «это для простыхъ, а не для людей мыслящихъ.»—Такимъ образомъ сближеніе между

духовною наукою и жизнью, между духовенствомъ и обществомъ съ самаго начала сдѣлалось главною задачею нашего изданія. Въ цѣляхъ этого сближенія *Православное Обзорнiе* старалось, съ одной стороны, возбуждать и развивать интересъ къ вопросамъ религіознымъ въ обществѣ, съ другой возбуждать и развивать вниманіе къ интересамъ общественнымъ въ духовенствѣ, вносить свѣтъ религіозной идеи въ разнообразныя отрасли общественной жизни и раскрывать самую религіозную идею съ тѣхъ особенно сторонъ, съ которыхъ она можетъ имѣть болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе съ понятіями и потребностями общества.

Какими путями *Православное Обзорнiе* шло къ достиженію своей цѣли, и насколько успѣло осуществить ее, объ этомъ предоставляемъ судить тѣмъ изъ читателей, которые въ продолженіи десяти лѣтъ внимательно слѣдили за нашею журнальною дѣятельностію. Съ своей стороны мы можемъ указать на тѣ самыя общія и главныя черты, которыми нашъ журналъ наиболѣе сталъ отличаться отъ духовныхъ изданій прежняго времени. Черты эти послѣ нашего изданія въ большей или меньшей степени скоро были усвоены и другими лучшими духовными изданіями. Такимъ образомъ мы имѣемъ пріятное удовольствіе, характеризуя свою собственную журнальную дѣятельность, характеризовать имѣемъ съ тѣмъ и общее направленіе нашей новой духовной журналистики, или по крайней мѣрѣ лучшей и серьезнѣйшей части ея.

Прежде всего, начиная съ вышепихъ литературныхъ требованій, новое направленіе духовной журналистики заявило свое отличіе отъ стараго въ самомъ своемъ тонѣ и языкѣ. До шестидесятихъ годовъ въ нашихъ духовныхъ журналахъ господствовалъ тотъ языкъ, какой установился въ духовной литературѣ еще въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Этотъ языкъ въ свое время образовался подъ вліяніемъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей учено-богословскаго и церковно-проповѣдническаго слова, и имѣлъ многія достоинства — серьезность и точность, чистоту и изящество своего рода; но ему недоставало легкости, разнообразія, свободы, простоты и естественности. Главный же его недостатокъ заключался въ томъ, что онъ далеко расходился съ языкомъ современнаго образованнаго общества и новыми литературными требованіями. Этотъ недостатокъ, самъ по себѣ хотя и важнѣйшій, былъ тѣмъ не менѣе однимъ изъ главныхъ причинъ съ одной стороны того,

что духовные журналы мало читались въ обществѣ, а съ другой стороны и того, что многимъ писателямъ, особенно молодымъ, воспитавшимся подъ вліяніемъ позднѣйшаго литературнаго развитія, и не привыкшимъ укладывать живую мысль въ тяжелыя формы устарѣвшихъ литературныхъ требованій, было очень трудно писать въ духовныхъ журналахъ. При томъ языкъ этотъ, будучи въ свое время довольно живымъ, точнымъ, выразительнымъ и сильнымъ у лучшихъ представителей старой литературной школы, у позднѣйшихъ ихъ подражателей по мѣрѣ того, какъ расходился съ требованіями новѣйшаго литературнаго развитія, становился болѣе и болѣе безцвѣтнымъ, вялымъ, неопредѣленнымъ, искусственнымъ, даже фальшивымъ. Это одно было достаточно сильнымъ препятствіемъ къ развитію духовной литературы, и вліянію ея на общество. *Православное Обозрѣніе* съ самаго начала изданія своего порѣшило прервать связь съ устарѣлыми духовно-литературными преданіями и приѣмами, и заговорить съ своими читателями языкомъ современно-образованнаго общества, современной свѣтской литературы. Правда, въ то время, когда начало издаваться *Православное Обозрѣніе*, сближеніе духовно-литературнаго языка съ языкомъ свѣтской литературы могло представлять своего рода опасности, на которыя намъ неоднократно и указывали. Въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ въ литературныхъ вкусахъ и приѣмахъ большей части нашихъ свѣтскихъ журналовъ господствовала широкая разнузданность и анархія. Съ большою внимательностію къ самому содержанію журнальныхъ статей, объ отдѣлѣ ихъ внѣшняго изложенія мало стали заботиться. Со множествомъ новыхъ идей, въ то время сдѣлавшихся достояніемъ общественнаго сознанія, вошло въ литературный языкъ множество, — гораздо болѣе, чѣмъ сколько нужно было, — иностранныхъ словъ, фразъ и оборотовъ. Простота языка у многихъ писателей стала доходить до неряшества и простоватости, и прямота до неприличной рѣзкости и грубости. *Православное Обозрѣніе*, стараясь по возможности не усвоить себѣ крайностей и искаженій современнаго литературнаго языка, тѣмъ не менѣе держалось главнымъ образомъ того убѣжденія, что и духовный журналъ, дабы имѣть какое нибудь вліяніе на общество, долженъ говорить съ обществомъ тѣмъ языкомъ, какимъ оно говоритъ, и что въ этомъ случаѣ скорѣе даже можно рѣшиться платить дань временнымъ недостаткамъ живаго общественного и литературнаго слова, нежели заботиться о томъ,

чтобы сочинять *себѣ* какой нибудь свой искусственный языкъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть лучше живаго естественнаго, или стараться удерживать устарѣвшія литературныя требованія и приемы, которыя не безъ причины же въ извѣстное время смѣняются другими новыми приемами и требованіями.

Что касается до самаго внутренняго содержанія и направленія журнальной дѣятельности, то и здѣсь *Православное Обозрѣніе* поставило своюю задачею держаться прежде всего на почвѣ современнаго общественнаго интереса. Это не то значить, чтобы журналъ нашъ въ раскрытіи самой сущности религиозныхъ идей старался поддѣлываться подъ вкусы и требованія современнаго общества, говорить ему только о томъ, что ему нравится, и такъ, какъ ему нравится, искажать самый смыслъ религиозныхъ идей въ угоду всякимъ поверхностнымъ и искаженнымъ понятіямъ общества. Такая дѣятельность была бы достойна всякаго осужденія, и мы первые готовы были бы сказать слово осужденія такому направленію. Мы никогда не теряли изъ вниманія того, что духовный журналъ долженъ быть проводникомъ чистой религиозной истины, какъ она хранится и разумится православною церковію, въ сознаніе общества, а не угодникомъ вкусовъ и требованій общества, которое въ большинствѣ своемъ имѣетъ еще очень невѣрные, поверхностныя, а въ иныхъ случаяхъ и искаженныя вредными вліяніями понятія о религіи, о церкви, о православіи и т. д. Но мы всегда держались того убѣжденія, что самую православную истину, не искажая ея внутренней сущности, нужно раскрывать съ тѣхъ особенно сторонъ, съ какихъ она могла бы быть болѣе доступною живому пониманію общества, и сильнѣе дѣйствовать на него. Поэтому мы поставляли своюю задачею отыскивать въ сознаніи и настроеніи общества такія точки, которыя можно бы было привести въ какое нибудь соотношеніе къ религиозному вопросу, и отправляясь отъ этихъ точекъ раскрывать предъ читателями болѣе или менѣе широкій кругъ религиозныхъ идей, и такимъ образомъ постепенно расширять, прояснять, укрѣплять, углублять и приводить въ соотвѣтствіе съ нормою православныхъ требованій религиозное сознаніе общества. Это направленіе мы старались поддерживать и проводить какъ въ статьяхъ, составляемыхъ ближайшими членами редакціи, такъ и въ статьяхъ постороннихъ сотрудниковъ, присылаемыхъ въ журналъ, и не только въ статьяхъ прямо на-

писанныхъ по поводу какого нибудь современнаго общественнаго вопроса, но и въ статьяхъ чисто научнаго содержанія — богословскихъ, историческихъ, критическихъ, въ самыхъ проповѣдяхъ и переводныхъ статьяхъ, помещаемыхъ въ журналѣ. Этихъ требованіемъ опредѣлялся между прочимъ самый выборъ статей для помѣщенія въ журналѣ. И въ этомъ требованіи направленіе нашего журнала представляло также одно изъ существенныхъ различій съ направленіемъ прежнихъ духовныхъ журналовъ. Преніе духовные журналы въ раскрытіи религиозныхъ идей не только не старались отыскивать и выставлять на видъ пункты соприкосновенія съ современно-общественными понятіями и интересами, но какъ будто даже намѣренно старались обходить такіе пункты. Въ нихъ большею частію избирались и такіе предметы, которые не могли бы имѣть современнаго значенія, и раскрывались эти предметы такъ, чтобы въ нихъ нельзя было найти и отдаленнаго отношенія къ современности, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ самое дѣло того требовало. Если же по временамъ въ урехнихъ журналахъ касались современныхъ идей, событій и интересовъ, то въ такихъ общихъ чертахъ, въ такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, съ такою осторожностью и вноскавательностью пріемовъ, что здѣсь съ такимъ же удобствомъ могли найти отраженіе своихъ мыслей и интересовъ люди XIX вѣка, какъ и XVIII, XVI, и т. д.

Но поставляя своею задачею раскрывать религиозныя идеи преимущественно съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ онѣ ближе могутъ имѣть соотношеніе съ современностію, не вызывали ли мы тѣмъ опасности яскзать самую чистоту православія, по существу своему неизмѣняемаго для всѣхъ временъ? Въ первые годы изданія нашего журнала находились люди, которые предостерегали насъ отъ этой опасности, находились даже и такіе, которые старались предостерегать на счетъ нашего будто бы опаснаго направленія самое общество и такихъ лицъ, отъ которыхъ могло зависѣть существованіе или несуществованіе нашего журнала. Во второй годъ изданія намъ пришлось даже вести непріятную печатную полемику на счетъ благонамѣренности тенденцій къ сближенію православія и современности. Не мало въ то время съ той и другой стороны сказано было рѣзкаго другъ противъ друга, и еще болѣе готово было снаться. Вспоминая эту полемику теперь, по прошествіи десяти лѣтъ, мы можемъ отнестись къ дѣлу спокойнѣе; и ни въ чемъ не отступая отъ своихъ убѣжденій, отдать справед-

ливность и напикъ противникамъ. Изъ какихъ бы частныхъ источниковъ и побужденій ни происходили ихъ предубѣжденія и подозрѣнія противъ насъ, все-таки они не могли не заслуживать серьезнаго вниманія, если въ основаніи своемъ имѣли достойную уваженія ревность объ истинѣ—о православіи. Вся ошибка, вызвавшая несправедливыя подозрѣнія и обвиненія, состояла въ томъ, что люди, желавшіе работать для одного дѣла различными средствами, принимали другъ друга за враговъ не только себѣ, но и общему дѣлу. Новость пріемовъ, съ которыми *Православное Обзоріе* отнеслось къ раскрытію релігіозныхъ идей и проведенію ихъ въ общество, могла понаваться инымъ за стремленіе къ нововведеніямъ въ самой сущности релігіозныхъ идей, и слѣдовательно къ искаженію православія. Въ словахъ самыхъ искреннихъ, простыхъ и прямыхъ стали предполагать задній смыслъ, завуалированныя зловѣщныя тенденціи. Съ этой точки зрѣнія не тому можно удивляться, что направленіе нашего журнала вызвало противъ себя нѣсколько открытыхъ заявленій въ неблагонамѣренности, но скорѣе тому, что такихъ открытыхъ заявленій было сдѣлано еще мало. Людей, относившихся къ намъ съ предубѣжденіями и подозрѣніями, особенно въ первые годы изданія, мы знаемъ было много. Но немногіе изъ нихъ имѣли прямоу печатно высказывать свои подозрѣнія и обвиненія; другіе, при всей своей ревности, смущаемой новымъ направленіемъ, не высказывались; нѣкоторые считали за лучшее противодѣйствовать новому направленію не печатнымъ путемъ.... Съ другой стороны, положеніе нашего журнала и самаго нашего дѣла было еще такъ ново и не твердо въ общественномъ мнѣніи, — въ обществѣ такъ мало еще было людей способныхъ ясно различать дѣйствительныя и мнимыя опасности для православія; а дѣло наше было такъ мнѣ дорого и такъ важно, что мы готовы были защищать его со всею горячностью, въ свою очередь не щадя своихъ противниковъ и рѣзко разоблачая негосподствующія и неблаговидныя стороны въ ихъ отношеніяхъ къ дѣлу, на что мы имѣли и имѣемъ полную удобствъ. Такимъ образомъ между двумя направленіями духовной литературы, вмѣсто спокойнаго разясненія дѣла, которое бы тому и другому направленію могло указывать соотвѣствующее мѣсто и значеніе въ служеніи православію и православному обществу; готова была возникнуть горячая полемика, приостановленная только въ силу вѣтвистыхъ обстоятельствъ. Въ настоящее время положеніе наше иное; и

мы имѣемъ возможность съ большимъ спокойствіемъ и твердостью отражать всякія подозрѣнія и обвиненія въ неблагонамѣренности и неправославіи, еслибы откуда нибудь они опять явились противъ насъ. Наши воззрѣнія, наше отношеніе къ дѣлу перестали быть одиночными и исключительными; мы имѣемъ вокругъ себя цѣлый сонмъ свидѣтелей, единомысленныхъ съ нами, раздѣляющихъ наше направленіе — во многихъ современныхъ представителяхъ православно-богословской мысли; направленіе наше сдѣлалось господствующимъ въ духовной литературѣ, и въ большей или меньшей степени принято другими лучшими и серьезнѣйшими духовными изданіями. Такое явленіе было бы невозможно въ православномъ обществѣ, еслибы истинно православная мысль могла опознать въ этомъ направленіи что-либо опасное для себя. Съ другой стороны, за десять лѣтъ изданія мы успѣли въ своемъ журналѣ достаточно высказать свой образъ мыслей, свои воззрѣнія по всякимъ вопросамъ — догматическимъ, нравственнымъ, церковно-историческимъ и общественнымъ. У насъ не мало было статей выражающихъ самую сущность нашихъ воззрѣній — наше такъ-сказать исповѣданіе. Изъ нихъ мы могли бы привести множество мѣстъ, доказывающихъ несомнѣнную нашу преданность православію, и согласіе нашихъ мыслей съ его, ученіемъ. Намъ случалось въ своемъ журналѣ касаться разныхъ воззрѣній и ученій противныхъ православію — римско-католическихъ, протестантскихъ, рационалистическихъ, пантеистическихъ, матеріалистическихъ, раскольническихъ и проч. Ко всякому направленію мысли, во всякому ученію мы старались относиться серьезно, не отрицаая и не скрывая того, что въ какомъ ученіи есть лучшаго и истиннаго. Но кто же могъ бы уличить насъ въ томъ, что мы когда-либо поступались православною истинною въ пользу какого-либо ученія несогласнаго съ православіемъ? Кто можетъ указать, что мы когда нибудь отступали отъ того, постоянно и твердо высказываемаго въ нашемъ журналѣ убѣжденія, что православіе есть единственное, вполне истинное исповѣданіе, что оно въ своихъ началахъ несравненно крѣпче, чище, полнѣе, шире, свободнѣе, и потому жизненинѣе, способнѣе къ живому развитію, чѣмъ всякое другое исповѣданіе и ученіе, что въ православіи заключаются крѣпчайшіе и наилучшіе залоговъ для развитія гражданскихъ обществъ, науки, искусства, нравственности, и всякихъ свободныхъ проявленій естественной человѣческой дѣятельности? И не ограничиваясь однимъ об-

щими положеніями, мы старались раскрывать идеалъ православія съ тѣхъ особенно сторонъ, съ которыхъ онъ на дѣлѣ могъ представиться всякому, непредубѣжденному, образованному человѣку крѣпче, полнѣе, чище, свободнѣе, жизненнѣе всякаго другаго воззрѣнія и ученія, освобождая и очищая этотъ идеалъ отъ всего того, что можетъ затемнить его въ сознаніи искреннихъ и образованныхъ людей, отъ всякихъ случайныхъ не исполнѣнъ соответствующихъ его сущности формъ и выраженій, отъ всякихъ темныхъ одностороннихъ и узкихъ представленій, отъ невѣжественныхъ и суевѣрныхъ толкованій, которыя очень естественно могутъ возникать въ обществѣ, имѣющемъ слабое религіозное и умственное развитіе, но которыя совершенно неправильно смѣшиваются иногда съ самою сущностью, съ самымъ идеаломъ православія, и тѣмъ подрываютъ нерѣдко вѣру и уваженіе къ православію. Такимъ образомъ наша дѣятельность была направлена прежде всего не въ другомъ какомъ-либо интересѣ, какъ въ интересѣ православія. Мы желали и желаемъ по своему разумѣнію искренно и твердо служить дѣлу православія. Мы старались, чтобы журналъ нашъ, въ продолженіе своего десятилѣтняго существованія, соответствовалъ своему названію *Православное Обзорніе* и оставался вѣренъ тому завѣщанію апостола, которое выставлено было эпиграфомъ на первой книжкѣ журнала: *вся искушающе, добрая держите* (1 Фессал. V, 20). Божественныя начала вѣры, раскрытыя и хранимыя въ ученіи вселенской церкви, были всегда для насъ свѣтлыми путеводными точками, которыми мы старались освѣщать для себя и для своихъ читателей явленія современной общественной жизни. Мы старались яснѣе раскрывать эти начала, ближе примѣнять ихъ къ современному пониманію, убѣдительнѣе представлять ихъ для современнаго образованнаго общества. И въ этомъ, мы надѣемся, не погрѣшили противъ духа и требованій православія. Ибо напротивъ въ этомъ-то самомъ примѣненіи началъ православія къ запросамъ и потребностямъ современности и заключалось всегда главнѣйшее условіе живаго движенія православной богословской мысли, движенія, никогда не останавливавшагося въ церкви, и остановка котораго была бы первою измѣною духу православія. Съ другой стороны, стараясь раскрывать начала православнаго ученія въ примѣненіи къ потребностямъ современнаго общества, мы никогда не смѣшивали вѣшняго процесса раскрытія истины съ самою сущностію раскрываемой истины, никогда не прида-

вали своимъ способамъ изслѣдованія и доказательства непреложнаго значенія, и не отождествляли своихъ частныхъ мыслей съ ученіемъ церкви. О послѣднемъ мы могли говорить съ полною увѣренностію, какъ объ истинѣ вѣчной и непреложной, а первыя могли представлять свободному принятію православнаго общества только какъ частныя соображенія и предположенія, какъ опыты личнаго истолкованія предметовъ вѣры, не отвергаемый церковію и не противный ей, когда онъ выдается только за личный опытъ, безъ всякихъ притязаній на безусловную непогрѣшимость, на общеобязательное принятіе, на замѣну вселенскаго непреложнаго догмата церкви частнымъ мнѣніемъ. Особенность нашего направленія въ области богословской мысли, особенность нашихъ отношеній къ истолкованію православія и отличіе ихъ отъ отношеній старой богословской школы—въ томъ именно и состоитъ, что мы: 1) стараемся различить въ православіи его неизмѣнную сущность — его божественныя однажды навсегда данныя начала отъ вѣшняго процесса ихъ раскрытія, примѣненія, доказыванія, процесса привносимаго свободною человѣческою мыслию, и потому естественно подлежащаго закону измѣненія, развитія, усовершенствованія, въ цѣляхъ лучшаго и полнѣйшаго выраженія божественной истины; 2) мы не представляемъ себѣ православія археологическимъ собраніемъ сухихъ отвлеченныхъ положеній, которыя нужно только усвоить себѣ памятію и повторять слово въ слово, но живую силу, которая должна давать постоянное движеніе и питаніе нашей мысли и всему нашему внутреннему духовному строю; 3) мы думаемъ, что православіе не должно быть ограничиваемо областью однихъ догматическихъ вѣроопредѣленій, а должно быть представляемо такимъ началомъ, которое должно пропитать не только всю область религіозной мысли, но и всю христіанскую жизнь. Поэтому мы думаемъ, что задача современной духовной науки и литературы состоитъ не въ томъ только, чтобы яснѣе раскрыть и послѣдовательнѣе провести начало православія въ наукѣ догматическаго богословія, но и въ томъ, чтобы раскрыть и провести это начало и показать его отличіе отъ другихъ началъ — и въ области другихъ богословскихъ наукъ, нравственнаго богословія, церковной исторіи, ученія о церковномъ правѣ, и въ примѣненіи ко всемъ свободнымъ проявленіямъ естественной человѣческой мысли и жизни—къ философіи, къ наукѣ вообще, къ искусству, къ общественной и